

Нижние конечности

Я ломала ноги несколько раз. Иногда я хромаю. Чувствую, если скоро дождь. Чертовы кости. Ноют по ночам. Тихо, еле слышно ноют...

Однажды я получила хорошую прибавку к летнему отдыху: отец сломал ногу. Неподвижным он мне нравился: так он не мог дотянуться до своих бутылок. Спокойный, опрятно одетый, отец целыми днями сидел в кресле, читал, слушал диски и чинил нам игрушки. И мама не кричала. Когда он поправился, все пошло по старому.

Мне лет пять. На парковке у супермаркета мы встречаем директора школы. У него коляска последней модели. Коляску не надо толкать, на ней можно крутиться вокруг своей оси, ехать быстро или медленно, можно совсем останавливаться. Мама здороваается. Я тоже. Потом мама говорит мне, что нужно сказать не просто «здравствуйте», а «здравствуйте, господин директор». Я запоминаю. И через пару дней говорю «Здравствуйте, господин директор» какой-то женщине.

В столовой наш директор, господин Бреан, проезжает между рядами. Он смотрит, хорошо ли мы едим. Потом устраивается за столом в глубине зала, ему приносят поднос. Он, кажется, тоже ест. После завтрака все вскакивают и бегут во двор. Я иду медленно – не хочу, чтобы директор завидовал – он-то бегать не может.

Иногда, если в школьном автобусе много народу, я еду стоя. Ни за что не держусь. Когда автобус поворачивает, я приседаю и часто падаю. Я была бы совсем не прочь сломать ногу. Брат сидит со своими друзьями. Мои выкрутасы ему до лампочки.

На острове Иос я залпом прочитываю небольшую книжку: я купила ее в киоске с иностранной литературой. Это воспоминания человека, который потерял ноги.

Я думаю о том, что напишу себе книгу, огромную книгу. Буду вписывать туда по страничке – черной ручкой в толстую тетрадь – и до самой смерти буду ее читать. Мне исполняется тринадцать, и той же осенью я начинаю. Буквы – те же люди: мне все кажется, что они не замечают меня, идут на меня, а я бреду наперекор, продираюсь сквозь плотную толпу ножек-палочек.

Мой брат, Эмманюэль, часто ошибается, когда пишет свое имя. Учительнице это не кажется необычным, она говорит маме: «Здесь слишком много букв на ножках, в таком возрасте детям сложно с ними справиться». По-моему, писать – значит постоянно побеждать все эти ножки и палочки. За ужином я соскальзываю под стол и, растянувшись на полу, наблюдаю за ними, слушаю их разговоры. Я – под миром, в ногах мира. Среди ножек-палочек.